

Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2023. № 4 (81). С. 70–79.
The Bulletin of Ryazan State University named for S. A. Yesenin. 2023; 4 (81):70–79.

Научная статья
УДК 821.161.1-32.09"19"
DOI 10.37724/RSU.2023.81.4.007

«Бобыль и Дружок» С. А. Есенина: к полемике о жанровом статусе и фольклорных истоках поэтики текста

Елена Александровна Самоделова

Институт мировой литературы имени А. М. Горького Российской академии наук,
Москва, Россия
helsa@rambler.ru

Аннотация. Цель статьи — выявить типичную жанровую природу «Бобыля и Дружка» (условно 1915 года) и сопоставить ее с авторским пониманием Есенина, выведенным им в подзаголовке. По мнению автора статьи, в ряде случаев имеется определенный зазор между теоретической трактовкой жанра филологами и практическим его применением писателями в их художественных сочинениях. «Бобыль и Дружок» определен Есениным как рассказ, однако его жанровая сущность тяготеет к литературной сказке, которая, в свою очередь, восходит к фольклорной. Исследователи отмечали также черты народной песни и притчи в данном произведении, уточняли жанровую принадлежность: детский рассказ (рассказ для детей). Прослеживается поэтика календарных обрядов в «Бобыле и Дружке», заметная при сопоставлении с народными обычаями, бытовавшими на малой родине Есенина в селе Константиново Рязанской губернии и сохранившимися до сих пор (они записаны автором статьи и вводятся в научный оборот). Автор данной работы — уже третий исследователь, склоняющийся ко мнению о тяготении «Бобыля и Дружка» к литературной сказке, жанровый канон которой был воспринят Есениным вместе с народно-сказочным началом, услышанным в детстве в родном селе. В исследовании приведены текстологические и историко-сопоставительные доводы в пользу такого мнения, усилены и дополнены подобные точки зрения исследователей-предшественников; результате получены выводы о жанровой многослойности «Бобыля и Дружка» — с превалированием сюжета и стилистики литературной сказки, состоящей в родстве с фольклорной.

Ключевые слова: «Бобыль и Дружок», сказки Есенина, сказочная поэтика, фольклоризм Есенина.

Для цитирования: Самоделова Е. А. «Бобыль и Дружок» С. А. Есенина: к полемике о жанровом статусе и фольклорных истоках поэтики текста // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2023. № 4 (81). С. 70–79. DOI: 10.37724/RSU.2023.81.4.007.

Original article

Bobyl and Druzhok by S. A. Yesenin: to the discussion of its genre identity and folklore roots in text poetics

Elena A. Samodelova

A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia
helsa@rambler.ru

Abstract. The purpose of the article is to identify the genre of Sergei Yesenin's *Bobyl and Druzhok* (*The villager and his dog*) (probably written in 1915) and compare it with the author's own statement of the genre in the subtitle. According to our hypothesis, there sometimes appears a certain discrepancy between the theoretical interpretation of a genre in philology and the author's choice of genre denotation in their artistic works. Yesenin defined *Bobyl and Druzhok* as a story, but its genre is closer to a literary fairy tale, which, in turn, developed from

folklore. Researchers have also noted features of folk songs and parables in this work, and specified the genre as a story for children. We can trace poetics of calendar rituals in *Bobyl and Druzhek*, noticeable when compared with the folk customs that existed in Yesenin's homeland, the village of Konstantinovo, Ryazan Province. The rituals have survived to this day (they were recorded by the author of the present article and introduced into scholarly discourse). Before our research, there had been published two others suggesting that *Bobyl and Druzhek* is a literary fairy tale. Yesenin assimilated this genre canon along with the traditional folk fairy tales that he heard in his childhood. The study provides textual and historical-comparative arguments in favor of this opinion, confirming and developing similar points of view of previous researchers. We draw a conclusion about a multi-layered genre of *Bobyl and Druzhek*, as the features of a literary or folk fairy tale dominate in its plot and style.

Keywords: *The Bachelor and Druzhek*, Yesenin's fairy tales, fairy-tale poetics, Yesenin's folklore roots.

For citation: Samodelova E. A. *Bobyl and Druzhek* by S. A. Yesenin: to the discussion of its genre identity and folklore roots in text poetics. *The Bulletin of Ryazan State University named for S. A. Yesenin*. 2023; 4 (81):70–79. (In Russ.). DOI: 10.37724/RUSU.2023.81.4.007.

Введение

Об авторском определении жанра и о детском рассказе

Есенин обозначил жанр «Бобыля и Дружка» как «Рассказ, посвященный сестре Катюше». Казалось бы, в подзаголовке произведения писатель точно определил жанровую принадлежность произведения, выразил свое видение этого вопроса. Тем не менее литературоведам хорошо известно, что в целом ряде случаев писатели указывают один жанр своего сочинения, а теоретики литературы, основываясь на многовековой литературной традиции, находят другие жанровые признаки. Важно и то, что дата — 1917-й, январь того же года, — дана современными комментаторами произведения по единственной прижизненной публикации, а время его создания можно опустить до 1914–1915 годов (до 9 февраля 1915 года — сообщено в «Летописи жизни и творчества С. А. Есенина») [Летопись, 2018, с. 94], чему имеется целый ряд доказательств (это тема отдельной статьи). Получается, что «Бобыль и Дружок» был задуман Есениным и создавался примерно в одно время с написанием повести «Яр» (лето 1915 года), в которой сильны сказочные образы и мотивы, даже прослеживаются сюжеты отдельных сказок, в том числе сказка деда Иена Кавелина о том, как «сгадал поп собаку поучить говорить по-человечьи» и что из этого вышло¹ (СУС 1750 А) [Есенин, 1997, т. 5, с. 78]; кроме того, в произведении присутствуют реалистичные собачьи образы — Чукан, «мухортая собака» Афоньки, собака конюха, деревенские собаки и др. [Там же, с. 8–9, 26, 34, 71, 101, 130]. Безусловно, близость датировок и стоящего за ними одного периода написания прозаических произведений не является сильным доводом для определения жанра, признаки которого более формируются с помощью художественного стиля и конкретных поэтических средств, организации композиции и сюжета, встраивания в сюжетную схему главных героев и второстепенных персонажей.

Ласковая форма имени адресата посвящения «Бобыля и Дружка» также свидетельствует о его жанровой разновидности — детский рассказ (и, более того, о жанре сказки для детей), хотя Есенин в подзаголовке определил только жанр — «рассказ» — в его общем виде. Впоследствии, спустя более 10 лет, в ночь с 7 на 8 октября 1925 года Есенин напишет «Сказку о пастушонке Пете...». И что бросается в глаза при сопоставлении этих произведений — это жанровая категория: «Бобыль и Дружок» (<1914–1915>) — «рассказ» по обозначению автора, а через 10 лет «Сказка о пастушонке Пете...» — уже «сказка», хотя в ней тоже все абсолютно реально, даже сон (если избрать чудесное, волшебное основным критерием литературной сказки, что, конечно, не совсем верно)! Есенин, когда был юношей, подтягивал младшую сестру к своему «полю взрослости», поэтому использовал дефиницию «рассказ» в подзаголовке (хотя в тексте дважды встречается «сказка»); а когда стал отцом и возрастная дистанция с собственными

¹ Здесь и далее ссылка на [Сравнительный указатель сюжетов ... , 1979] дается в скобках в виде аббревиатуры СУС с указанием номера сюжета.

детьми увеличилась, его жизненный опыт возрос, он решил, что стать сказочником — значит причислить себя (автора) к умудренным житейскими испытаниями, к носителям народной и (или) литературной традиции. Кроме того, в начале XX столетия, в Серебряный век, в писательской среде было принято предназначать изящные литературные сказки взрослым читателям (например, «Книга сказок» Ф. К. Сологуба, 1905; «Посолонь» А. М. Ремизова, 1907; «Сорочьи сказки» А. Н. Толстого, 1910, и др.), хотя в журналах для детского или семейного чтения по-прежнему публиковалось множество сказок для малышей. Вероятно, Есенин не хотел в начале творческого пути становиться детским писателем и загонять себя в узкие рамки литературы для детей младшего возраста, несмотря на свое учительское образование. Может быть, с помощью жанрового термина «рассказ» Есенин еще намеревался подчеркнуть отроческий возраст адресата — «сестры Катюши», уже «выросшей» из детских сказок, хотя этот факт был известен лишь ему как автору и, вероятно, его родственникам и близким.

Основная часть

О влиянии фольклорной стилистики на рассказ Есенина

Современный литературовед О. Е. Воронова в 1985 году отметила особенности стиля «Бобыля и Дружка», выходящие за рамки рассказа и отражающие черты устной речи, типичные для рассказывания-монолога: «В полном соответствии с фольклорной традицией ритмико-интонационная структура повествования у Есенина (как и у Толстого) строится на постоянной препозиции сказуемых-глаголов, несущих основную смысловую нагрузку, показывающих смену действий, изменение внутреннего и внешнего состояния персонажей <...>» [Воронова, 1985, с. 65–66].

В 2010 году Н. М. Солнцева, допустив еще и «модернистские черты» в «Бобыле и Дружке», также обратила внимание на значимость повторов глаголов: «От фольклора и глагольные перехваты, например в предложении, созданном по типу анапестного двустипия: “Сговорились, пришли — увидели, увидели — назад отшатнулись”» [Солнцева, 2010, с. 109].

Действительно, наблюдается влияние былинного стиха, с которым Есенин был знаком по хрестоматиям (например, «Былины» 1911 года со вступительной статьей Е. Ляцкого имел в личной библиотеке (см.: [Былины, 1911])) [Субботин, 2006, с. 341], а также сказочного стиля. На примере экспедиционных записей, произведенных нами в Центральной России, мы в 2013 году сделали вывод: «Логическое членение сказки (соответствующее абзацам на письме) сказочницы в г. Пошехонье (и не только там) производят не только интонационно, но и с помощью *дословного повтора отдельных слов и словосочетаний*, где повторяемая лексическая единица или сочетание образует начало нового фрагмента» [Самоделова, 2013, с. 80].

Показательно, что способ рассказывания сказок с удвоением глаголов характерен для «малой родины» Есенина: «Возвращаясь к варианту <<Козлятушки-ребятушки» (СУС 123)> с. Кузьминское Рыбновского р-на Рязанской обл., отметим интересные синтаксические конструкции, в которых конец предыдущего предложения дословно повторяется в начале следующего: “<...> когда волк услышал, как она причитывает, он *пришел. Пришел*, запел грубым голосом <...>”, “<...> нежным голосом запоем, они *откроют. Откроют*, на следующий день она уходит <...>”. Иногда лексическое совпадение неполное, варьирующееся на уровне однокоренных слов: “И они *открывали. Открыли* <...>”. Такие конструкции, помимо сказок, характерны для фольклорных песен, даже для необрядовых и для поздних песен литературного происхождения» [Самоделова, 2013, с. 112]. Сопоставление рязанских сказок со сказками Пошехонского района Ярославской области позволило сделать вывод о том, что «такие сказочные и песенные синтаксические конструкции с повторами обладают большой древностью <...>» [Там же].

Лингвист Е. В. Логачева в 2017 году увидела в часто повторяемой позиции глаголов в сложной лексической конструкции также важный элемент поэтики сказочных жанров — фольклорных и литературных: «Характерная особенность синтаксиса сказок (и есенинского произведения) — предикативные единицы, осложненные однородными сказуемыми, что служит динамизму произведения, делает текст насыщеннее и многообразнее. В сказках такой прием позволяет расширить кругозор читателя, увеличить его лексический запас. Перечисления создают ощущение целостности и непрерывности <...>» [Логачева, 2017, с. 29].

Однако Л. Д. Троицкий, чьи критические очерки читал Есенин и даже вступил с ними в полемику (например, в очерке «Железный Миргород», <1923>), в книге «Литература и революция» (1924; 1-е издание — 1923) укорял Андрея Белого за подобную ритмизацию прозы: «Его ритмическая проза ужасна. Фраза повинуется не внутреннему движению образа, а внешней метрике, которая сперва вам кажется лишней, затем утомляет навязчивостью, под конец — отравляет существование. Уже одно предчувствие того, что фраза закончится ритмически, вызывает острое раздражение, как ожидание повторного скрипа ставней во время бессонницы» [Троицкий, 1924, с. 39]. Но в «Бобыле и Дружке» Есенина ритмизованная проза, оказавшись типичным проявлением прозы поэта, со всеми ее поэтическими особенностями, выступила заодно со сказочной прозой, черпая отсюда стилистические приемы.

О. Е. Воронова размышляла об использовании в художественной ткани «Бобыля и Дружка» фольклорного принципа типизации с выделением ведущей черты социально-психологического облика героя, усматривала опору на поэтику народной песни с ее психологическим параллелизмом, с ритмическими повторами, с нагнетанием «эмоционально-выразительных эпитетов и деталей, подчеркивающих трагизм человеческого одиночества» [Воронова, 1985, с. 60], с одушевлением растительного и животного мира и сочувственной концовкой скорбящей природы [Там же, с. 59–61].

О жанровых признаках сказки и притчи в «Бобыле и Дружке»

Впервые о жанре сказки применительно к рассказу Есенина задумалась учительница Л. М. Юзефович (Радионова), которая в 2013 году сделала ценное наблюдение, выведенное уже в заглавии ее квалификационной работы «“Бобыль и Дружок” С. Есенина — “грустная сказка” о жизни и “чудная сказка” о дружбе» [Юзефович (Радионова), 2013]. Она увидела в построении произведения всеобъемлющую антитезу, проявленную во взаимоотношениях и поведении, в чувствах и размышлениях — разных людей, человека и собаки, животного и кукушки, и даже цветочков; и это глобальное противопоставление трансформируется в гармоничное объединение полярных мнений, необходимых для сохранения целостности мира, в данном случае художественного. Словесник уточняет, что грустной сказка становится из-за повествовательной линии с одиноким стариком и его единственным спутником-собакой. Находкой является трактовка авторской формулы «чудесная сказка» как радостного повествования: «Радость от того, что была такая дружба, о ней надо всем рассказать; пусть птички разнесут эту “чудесную сказку”» (курсив оригинала) [Юзефович (Радионова), 2013].

Заметим, что семантика словосочетания «чудесная сказка» вполне укладывается в смысловое поле народных и научных терминов применительно к фольклорным сказкам с их жанровыми разновидностями — сравните: волшебная, героическая, фантастическая и т. п. «Чудесная сказка» — это устоявшееся определение-клише, вполне типичное для речи подлинных сказочников, особенно для обозначения сказочных сюжетов с помощью наиболее ярких внутритекстовых словесных элементов — так называемых «формул стилистической обрядности» [Рошияну, 1974; Разумова, 1991]. Но и в заглавиях сказок, очевидно, данных составителями сборников, звучат те же сказочно-жанровые эпитеты, например: «Чудесная дудка», «Чудесная курица», «Чудесная рубашка», «Чудесный ящик», «Диво дивное, чудо чудное», «Волшебный конь», «Волшебное кольцо», «Волшебное зеркальце», «Вещий сон» и др. (примеры взяты из «Народных русских сказок» А. Н. Афанасьева, прочитанных Есениным; некоторые сказки входили в школьную программу и были прокомментированы в учебниках). В Комментариях к несостоявшемуся изданию стихотворений и поэм Есенина в 1940 году его последняя жена С. А. Толстая-Есенина, внучка Льва Толстого, отмечала: «На протяжении всей жизни Есенина, почти до самого конца, одними из самых любимых и одно время даже настольных книг были: “Русские народные сказки” А. Н. Афанасьева и “Поэтические воззрения славян на природу” того же автора. Он говорил, что черпал из них много материалов для своего творчества» [С. А. Есенин в воспоминаниях современников, 1986, т. 2, с. 260; Есенин, 1997, т. 2, 276 комм.; т. 4, 363 комм.]. Однако Л. М. Юзефович (Радионова) переосмысливает такую типовую лексическую модель в рамках художественно-философского психологизма, свойственного именно литературной сказке.

Лингвист Е. В. Логачева в 2017 году продолжила линию рассуждений своей предшественницы-педагога, сославшись на ее мнение в своей статье с «проблемным заглавием»: «Фольклорные традиции и “сказочный” синтаксис рассказа С. А. Есенина “Бобыль и Дружок”» [Логачева, 2017]. Она сделала акцент на стилистический план «Бобыля и Дружка», отметив сочетание реализма со стилистикой волшебных сказок: «Хотя жанр рассматриваемого нами произведения обозначен автором как рассказ, можно отметить, что реалистичен он сюжетно, однако затронутые в нем проблемы раскрываются приемами, больше характерными для сказового и сказочного повествования» [Логачева, 2017, с. 27]; вопрос о сказовой манере как особой поэтике нуждается в уточнении и корректировке. Добавим, что О. Е. Воронова усматривала в рассказе притчевое начало, идущее от чтения произведений Льва Толстого — с их моральными уроками, большими нравственными идеями, широкими жизненными обобщениями [Воронова 1985, с. 66]. Также О. Е. Воронова отметила активизацию в русской литературе «детского рассказа» как жанровой разновидности на рубеже XIX–XX веков [Там же, с. 67].

О жанре литературной сказки применительно к «Бобылю и Дружку»

Мы поддерживаем мнение педагогов и исследователей о том, что в рассказе Есенина явлены черты литературной сказки, опирающейся на фольклорную сказку: об этом свидетельствует отмеченный О. Е. Вороновой прием трансформации имени нарицательного в собственное (Бобыль), позволяющий не только расширить типизацию образа до отражения «судьбы многих тысяч несчастных и обездоленных» [Воронова, 1985, с. 59], но и приблизить героя к типично-сказочному образу старика (обычно выступающего в паре со старухой и сначала бездетного, потом чудесным образом приобретающего ребенка, или отца-вдовца с дочкой, вторично женившегося на вдове с двумя дочерьми — см. сюжеты «Мальчик-с-пальчик» (СУС 700), «Снегурочка» (703*=АА*171, *703), «Морозко» («Мачеха и падчерица», СУС 480=АА 480*В, *С); «Золушка» (СУС 510 А) и др. Образ бобыля выведен в зачине фольклорной сказки «Мертвое тело» (вариант 7b) (СУС 1537) из собрания А. Н. Афанасьева: «Жил-был старой бобыль с своею старухой; у него было три сына: два умных, младший — Иван-дурак» [Афанасьев, 1861, с. 76]. Бобыль фигурирует в литературной сказке «Проклятая десятина» А. Н. Толстого, впервые опубликованной в составе его «Сорочьих сказок» в 1910 году: произведение могло попасть в поле зрения Есенина. Безусловно, образ бобыля не является типовым маркером жанра сказки и присутствует в сочинениях другой жанровой природы: например, «Бобыль» выведен в заглавии рассказа Д. В. Григоровича (1847).

То же самое необходимо сказать о собаке, о которой повествуется в самых разных литературных и устно-поэтических жанрах, но она также оказывается и сказочным персонажем, хотя чаще встречается в другой жанровой разновидности — в фольклорных сказках о животных.

«Бобыль и Дружок» имеет типично сказочный зачин: «Жил на краю деревни старый Бобыль. Была у Бобыля своя хата и собака. Ходил он по миру, собирал куски хлеба, так и кормился» [Есенин, 1997, т. 5, с. 158]. Сравните фольклорно-сказочные зачины в «Народных русских сказках» А. Н. Афанасьева, прочитанных Есениным по школьным хрестоматиям и ранним изданиям: «В одной деревне жил-был мужик, у него была собака <...>»; «Жил себе мужик, у них была добрая собака <...>» [Афанасьев, 1957, с. 78, № 55 ; с. 84, № 59] и др.

Приемы персонификации и одушевления природы, наделяющие ее персонажей умением сопереживать человеку и даже разговаривать (типа «Зашептались на могиле цветочки, нашептали они чудную сказку о дружбе птичкам. <...> Сидела кукушка, грустила <...>») [Есенин, 1997, т. 5, с. 160], тоже характерны для фольклорной сказки. Постоянные эпитеты (вроде «красное солнышко», «плакучая береза») [Там же, с. 158, 160] равно присущи сказочным, песенным и другим устно-поэтическим жанрам. В «Бобыле и Дружке» неоднократно встречается само обозначение сказочного жанра, данное с авторским эпитетом: «грустная сказка», «чудная сказка» [Там же]. Но у сюжета Есенина нет аналогов в фольклорно-сказочной системе, хотя имеются параллели в художественной литературе, что и позволяет отнести произведение к литературной сказке, но, безусловно, не отменяет авторского определения — «рассказ».

Фраза «Заиграло красное солнышко, побежали ручьи-колокольчики» [Есенин, 1997, т. 5, с. 160], поставленная сразу после упоминания весны, имеет завуалированную отсылку к народному поверью о том, что «солнце играет» на Пасху, а в некоторых регионах еще на другие ве-

сенне-летние праздники; Есенин знал об этом с детства. До сих пор в селе Константиново Рыбновского района Рязанской области (бывших Рязанской губернии и Рязанского уезда) старожилы рассказывают: «Вот на Светлый день бываеть — Пасха — вот солнышко иураеть»². Дети и молодежь готовились к этому событию: «На Паску. Прямо вот утром всхóдить солнце — это тах-то его не видно — улаза болять, а вот такое вот стекóлышко, тах вот стекóлышко коптили этой копотью. И в эту вот смотрели. Вот коуда иураеть на все стороны. Это или на Паску смотрели, а потом смотрели в Великий четверх до солнышка. Это смотрели. Это ведь всё давно, дочка, давно. То зелёное, то синее, то красное, то розовое, то зелёное — в общем, по-всякому, как вот глядишь: иной раз уроза вот так, так и она. Минут десять, не больше. Она встаёт. Это надо, чтоб вставать, коуда она только выходить из этого, снизу на облака. А если она уж покажется, значить, всё, уж она иурать кончится. И обратно. Тоуда смотрели-то! Она выходит вот, солнце. Она ныне вышла — она весь день будет до самого вечера ходить. В праздник только. А там хто и знáить, может. Только всё тоуда уоворили: на это, в Великий четверх и на Паску»³.

В реплике Бобыля: «Рано, Дружок, мы с тобою тогда загадали» [Есенин, 1997, т. 5, с. 159] — важен глагол «загадали» с диалектным значением — «задумать, замыслить что-л<ибо>» [Словарь современного русского народного говора ... , 1969, с. 178]. В Рязанской области бытует поговорка: «Загад не бывает богат»⁴. И у Бобыля намерение зажить счастливо с наступлением весны не сбылось; наоборот, он почувствовал приближение кончины и вскоре умер.

Показательно, что, в отличие от остальной художественной прозы (повести «Яр» и рассказа «У белой воды» — оба условно 1915 года) и целого ряда стихотворений преимущественно раннего, но не начального, ученического периода («Егорий», <1914>; «Сиротка (Русская сказка)», <1914>; «Ямщик», <1914>; «Удалец», <1914–1915>; «Улогий» / «Я странник убогий...», <1915>; «Вечер, как сажа...», <1914–1916>; «За рекой горят огни...», <1914–1916>; «Я одену тебя побирушкой...», 29 марта 1915 года; «У крыльца в худой логушке деготь...», <1915>, и др.), в «Бобыле и Дружке» нет ясно читаемых диалектизм (по крайней мере, ярких), главный герой и крестьяне говорят на нормативном русском (литературном) языке, а собака молчит («словно хочет вымолвить», «не вымолвишь слова») [Есенин, 1997, т. 5, с. 157, 158], хотя и сочувствует человеку, умеет думать и вообще ведет себя практически по-человечески.

Также в рассказе нет обмена репликами даже между людьми и не образуется диалог как таковой, со всеми формальными признаками, хотя приведен внутренний монолог собаки, как его воспринимает Бобыль: «Никому мы с тобою не нужны, никто нас не пригреет, одни мы с тобою» [Есенин, 1997, т. 5, с. 157], то есть некоторая условно-словесная связь между человеком и собакой налажена; следовательно, здесь применены иные художественные приемы построения произведения. По сути, «Бобыль и Дружок» представляет собой монолог главного героя с дополнением в виде единственной реплики «людей»; причем монолог разрежен описаниями реагирования природы на реплики ведущего персонажа и вообще всяческого сочувствия ему. Этим рассказ отличается от сказочных произведений, как правило, наполненных диалогами персонажей, в том числе собак, в фольклорных сказках; однако эта важная черта художественной конструкции не исключает возможности причислить сочинение Есенина к сказочному жанру.

Интересно, что, отказывая Дружку в умении разговаривать — «Ничего ты, Дружок, не ответишь, не вымолвишь слова <...> знаю... ты все понимаешь» [Есенин, 1997, т. 5, с. 158], Есенин наделил такой способностью более низкое создание в биологической цепочке — цветы: «Зашептались на могиле цветочки, нашептали они чудную сказку о дружбе птичкам» [Там же, с. 160]. Получается, что именно цветы создали сказку о Бобыле и Дружке, и ее текст является их словесным повествованием; иначе говоря, Есенин доверил сказывание сказки цветочкам, незаметно подчеркивая тем самым ее как бы природное происхождение, а не умствование людей. Такое смысловое наполнение концовки (или зачина — в других случаях), когда рассказывание

² Цит. по записям Самоделовой Е. А. от 11 сентября 2000 года, тетрадь 8, № 228 — Дорожкина Валентина Алексеевна, 1913 г. р.

³ Цит. по записям Самоделовой Е. А. от 11 сентября 2000 года, тетрадь 8, № 270 — Рыбкина Надежда Дмитриевна, 1915 г. р.

⁴ Цит. по записям Самоделовой Е. А., сделанным в 1980-е годы в Москве, от Трушечкиной Матрены Ивановны (1907–1982), уроженки села Озёрки Ряжского уезда Рязанской губернии (Сараевского района Рязанской области).

произведения передовано сказочником природному объекту — от цветка до зверя и атмосферной стихии, свойственно литературным сказкам, является в них определенным приемом организации текста. В фольклорных сказочных произведениях также встречается мотив рассказывания сказок каким-либо персонажем — так реализуется сюжетно-композиционная конструкция «сказка в сказке», а в некоторых сюжетах имеется песенная или плачевая вставка — например, в сюжетах «Кот, петух и лиса» (СУС 61 В = АА*61 II); «Волк и козлята» (СУС 123); «Братец и сестрица» (более известен как «Сестрица Аленушка и братец Иванушка») (СУС 450), «Чудесная дудочка» (СУС 780) и др.; все эти включения необходимы для сообщения о судьбе человека или домашнего животного, как правило, трагической, вплоть до насильственного умерщвления героя (впрочем, далее оживляемого).

Для народных сказок типичен образ Смерти, часто обозначаемый с большой буквы как имя собственное в рукописях и книгах; на лубочных картинках и на пришедших им на смену книжных иллюстрациях изображается персонаж с черепом и костями, с косой для жатвы, в черном одеянии, похожем на женское платье. В фольклорных сказках имеется ряд сюжетов о состязании героя (в том числе бравого солдата) со Смертью, в которых последняя иногда поддается на уловки человека, но в итоге все равно ускользает («Приглашенная смерть» (СУС 1354 = К 1354 А); «Бочку с маслом принимают за смерть: разбивают ее» (СУС 1314); «Козел и встречные животные» (СУС 2015**) и др.). В «Бобыле и Дружке» образ смерти дан в привычном бытовом аспекте — скорее, как мотив произведения, не как одушевленный персонаж, и он побеждает героя: этим рассказ отличается от сказки, однако наличие самой сюжетной линии, причем ведущей, указывает на определенное сказочное начало в литературном сочинении. В этом аспекте необходимо напомнить о существовании целого ряда фольклорных сказок с плохими концами, когда герой погибает: например, «Колобок» (СУС 2025 = АА*296); «Смерть петушка» (СУС 2021 А=АА *241 I, 2032) и др.

Интересно, что адресат произведения — сестра Екатерина, немного подросшая и отправленная в Москву в 1917 году к отцу, поступившая там учиться в частную гимназию, тоже написала сказку и рассказала об этом брату: «“А ты что-нибудь пишешь?” Я показала ему сказку о Кошее Бессмертном, написанную мною в стихах. Сергей похвалил меня. Он стал часто приходить к нам» [С. А. Есенин в воспоминаниях современников, 1986, т. 1, с. 46]. Безусловно, Есенин считал полезным чтение сказок в детстве, почему и подарил школьнице Екатерине сказочный сборник: «И еще он принес чудесную книгу — “Сказки братьев Гримм”» [Там же, с. 47], и мог задумать подарить ей рассказ-сказку собственного сочинения. О сказках братьев Гримм Есенин мог узнать еще в период собственного детства, а позже пополнить знания из учебного пособия и лекций преподававшего в Московском городском народном университете имени А. Л. Шанявского историка Д. Н. Егорова [Егоров, 1913, с. 193; Скороходов, 2014, с. 289]. Хотя Н. А. Сардановский в воспоминаниях «На заре туманной юности...» отмечал: «К этому же времени относится учеба Сергея в университете Шанявского (этот университет назывался, кажется, народным). Мне Сергей говорил, что он посещал там исключительно лекции по литературе» [С. А. Есенин в воспоминаниях современников, 1986, т. 1, с. 133], но сам Есенин в автобиографиях и письмах о таком избранном подходе к учебе не сообщал.

Показательно, что наделение Есениным Дружка психологическим сходством с человеком являлось не только данью фольклорной и литературной традициям, но существовало даже в науке о животных того времени. Профессор зоологии Вл. Вагнер в «Психологии животных» указывал, что многие ученые начала XX века полагают достоверным метод сравнительной психологии, который он считал антропоцентрическим методом, абсолютно ненаучным [Вагнер, 1902, с. 30]. Профессор пояснил, что «суждение о явлении психологии животных по аналогии заключается в том, что для решения того или другого вопроса науки (способности животного к памяти, суждению, сравнению, заключению и т. п.) считается вполне достаточным взятого на выдержку факта или несколько <так> фактов из жизни животных, которые освещаются по аналогии с соответствующими действиями человека» [Там же, с. 31]. В то же время Вл. Вагнер заключал: «Мы имеем полное основание говорить о привязанности или гневности собаки, <...> утверждать существование разумных способностей у высших животных <...>» [Там же, с. 55]. И все-таки: «Эмоции позвоночных животных, несмотря на сходство нервной системы, органов

чувств и организации вообще с таковыми у человека, все же отличны от этих последних, и мы должны быть весьма осторожными в своих заключениях по этим вопросам, как по вопросам психологии вообще» [Вагнер, 1902, с. 205]. И далее автор призывал «воздержаться от попытки с легкой совестью рассуждать за животных, *стоя на их месте*» (курсив оригинала) [Там же, с. 209].

Заключение

О разнице между подходами ученых и писателей относительно жанра художественного произведения

Итак, мы рассмотрели вопросы жанровой природы «Бобыля и Дружка» и подтвердили мнение Л. М. Юзефович (Радионой) и Е. В. Логачевой о принадлежности произведения к жанру литературной сказки, что не отменяет авторского определения Есенина, обозначившего его рассказом в подзаголовке. Безусловно, жанровая дефиниция писателя является составной частью его произведения и отражает как его собственный взгляд на проблему жанра (причем в конкретный период его творчества), так и соотносится с филологическими решениями того времени, а также доносит литературные веяния эпохи, в которую жил Есенин. Тяготение Есенина как писателя-мастера к тому типу фольклоризма, который базируется на прекрасном знании локального фольклора, воспринятого в первую очередь из уст родных и односельчан, обнаруживается в «Бобыле и Дружке» в том числе.

Список источников

1. Афанасьев А. Н. Народные русские сказки : в 8 вып. — 2-е изд., доп. — М. : Изд. К. Солдатенкова, 1861. — Вып. VI. — 368 с.
2. Афанасьев А. Н. Народные русские сказки : в 3 т. — М. : Художественная лит., 1957. — Т. 1. — XVI, 515 с.
3. Былины / вступ. ст. Е. Ляцкого. — СПб. : Изд-во т-ва «Огни», 1911. — XX, 196 с.
4. Вагнер Вл. Психология животных : популярные лекции. — 2-е изд. — М. : Типолиогр. Т-ва И. Н. Кушнерев и К^о, 1902. — 209 с.
5. Воронова О. Е. Проза Сергея Есенина (Жанры и стиль) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.02. — М., 1985. — 306 с.
6. С. А. Есенин в воспоминаниях современников : в 2 т. / вступ. ст., сост., коммент. А. А. Козловского. — М. : Художественная лит., 1986. — Т. 1. — С. 28–54, 129–134 ; Т. 2. — С. 258–263.
7. Егоров Д. Н. Средние века: историография и источниковедение : курс, читанный на Московских высших женских курсах в 1912–1913 г. — М. : Изд-во при ист.-филол. фак. Московских высших женских курсов, 1913. — Вып. 1–2. — 260 с.
8. Есенин С. А. Полное собрание сочинений : в 7 т. — М. : Наука : Голос, 1995–2001. — Т. 2. — 1997. — 464 с. ; Т. 4. — 1996. — 544 с. ; Т. 5. — 1997. — 560 с.
9. Летопись жизни и творчества С. А. Есенина : в 5 т. — М. : ИМЛИ РАН, 2018. — Т. 5, кн. 2. — 1160 с.
10. Логачева Е. В. Фольклорные традиции и «сказочный» синтаксис рассказа С. А. Есенина «Бобыль и Дружок» // Вестник Московского государственного областного университета. Сер. «Русская филология». — 2017. — № 4. — С. 26–33.
11. Разумова И. А. Стилистическая обрядность русской волшебной сказки. — Петрозаводск : Карелия, 1991. — 151 с.
12. Рошияну Н. Традиционные формулы сказки. — М. : Наука, 1974. — 216 с.
13. Самоделова Е. А. Сказки и сказочники Центральной России в конце XX — начале XXI веков : наблюдение-исследование // Рязанский этнографический вестник. — Рязань, 2013. — Вып. 51, т. 2. — 222 с.
14. Скороходов М. В. Сергей Есенин: истоки творчества (вопросы научной биографии). — М. : ИМЛИ РАН, 2014. — 383 с.
15. Солнцева Н. М. Проза С. Есенина // Проблемы научной биографии С. А. Есенина. — М. ; Константиново ; Рязань : Пресса, 2010. — С. 104–116.
16. Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области) / под ред. И. А. Оссоветского. — М. : Наука, 1969. — 612 с.
17. Субботин С. И. Библиотека Сергея Есенина // Есенин на рубеже эпох: итоги и перспективы : материалы Междунар. науч. конф. — М. ; Константиново ; Рязань : Пресса, 2006. — С. 331–355.

18. Сравнительный указатель сюжетов: восточнославянская сказка / сост. Л. Г. Барг, И. П. Березовский, К. П. Кабашников, Н. В. Новиков. — Л. : Наука, 1979. — 437 с.
19. Троицкий Л. Д. Литература и революция. — 2-е изд., доп. — М. : ГИЗ, 1924. — 424 с.
20. Юзефович (Радионова) Л. М. «Бобыль и Дружок» С. Есенина — «грустная сказка» о жизни и «чудная сказка» о дружбе : план-конспект урока по лит. (7 классе) по теме // Образовательная социальная сеть. — URL : <https://nsportal.ru/shkola/literatura/library/2013/05/01/stsenariy-uroka-issledovaniya-iz-serii-uroki-dobroty-bobyl-i> (дата обращения: 10.05.2023).

References

1. Afanasyev A. N. *Narodnyye russkiye skazki: v 8 vyp.* [Russian folk tales: in 8th iss.]. Moscow, K. Soldatenkov's Publ., 1861, iss. VI, 368 p. (In Russian).
2. Afanasyev A. N. *Narodnyye russkiye skazki: v 3 t.* [Russian folk tales: in 3 vols.]. Moscow, Khudozhestvennaya lit. Publ., 1957, vol. 1, XVI, 515 p. (In Russian).
3. *Byliny* [Bylinas]. Intr. by E. Lyatsky. St. Petersburg, Ogni Publ., 1911, XX, 196 p. (In Russian).
4. Vagner VI. *Psikhologiya zivotnykh: populyarnyye lektsii* [Animal psychology: popular lectures]. Moscow, I. N. Kushnerev and Co. Publ., 1902, 209 p. (In Russian).
5. Voronova O. E. *Proza Sergeya Yesenina (Zhanry i stil)* [Prose of Sergei Yesenin (Genres and style)]. Dis. of candidate of philology, 10.02.02. Moscow, 1985, 306 p. (In Russian).
6. *S. A. Yesenin v vospominaniyakh sovremennikov: v 2 t.* [S. A. Yesenin in the memories of his contemporaries: in 2 vols.]. Intr. and comment. by A. A. Kozlovsky. Moscow, Khudozhestvennaya lit. Publ., 1986, vol. 1, pp. 28–54, 129–134; vol. 2, pp. 258–263. (In Russian).
7. Yegorov D. N. *Sredniye veka: istoriografiya i istochnikovedeniye: kurs, chitannyy na Moskovskikh vysshikh zhenskikh kursakh v 1912–1913 g.* [The Middle Ages: historiography and source studies: a course given at the Moscow Higher Women's Courses in 1912–1913]. Moscow, Izd-vo pri ist.-filos. fak. Moskovskikh vysshikh zhenskikh kursov. Publ., 1913, iss. 1–2, 260 p. (In Russian).
8. Yesenin S. A. *Polnoye sobraniye sochineniy: v 7 t.* [Complete works: in 7 vols.]. Moscow, Nauka Publ., Golos Publ., 1995–2001, vol. 2, 1997, 464 p.; vol. 4, 1996, 544 p.; vol. 5, 1997, 560 p. (In Russian).
9. *Letopis zhizni i tvorchestva S. A. Yesenina: v 5 t.* [Chronicle of the life and work of S. A. Yesenin: in 5 vols.]. Moscow, IMLI RAS Publ., 2018, vol. 5, b. 2, 1160 p. (In Russian).
10. Logacheva E. V. Folklore traditions and “fairy tale” syntax of S. A. Yesenin's story “Bобыl and Druzhek.” *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Ser. “Russkaya filologiya”* [Bulletin of Moscow State Regional University. Ser. “Russian Philology”]. 2017, iss. 4, pp. 26–33. (In Russian).
11. Razumova I. A. *Stilisticheskaya obryadnost russkoy volshebnoy skazki* [Stylistic ritualism in Russian fairy tales]. Petrozavodsk, Karelia Publ., 1991, 151 p. (In Russian).
12. Roshianu N. *Traditsionnyye formuly skazki* [Traditional formulas of fairy tales]. Moscow, Nauka Publ., 1974, 216 p. (In Russian).
13. Samodelova E. A. Fairy tales and storytellers of Central Russia at the end of the 20th — beginning of the 21st centuries: description and research. *Ryazanskiy etnograficheskiy vestnik* [Ryazan Ethnographic Bulletin]. Ryazan, 2013, iss. 51, vol. 2, 222 p. (In Russian).
14. Skorokhodov M. V. *Sergey Yesenin: istoki tvorchestva (voprosy nauchnoy biografii)* [Sergei Yesenin: the origins of his creativity (issues of scientific biography)]. Moscow, IMLI RAS Publ., 2014, 383 p. (In Russian).
15. Solntseva N. M. Prose of S. Yesenin. *Problemy nauchnoy biografii S. A. Yesenina* [Problems of S. A. Yesenin's scientific biography]. Moscow, Konstantinovo, Ryazan, Pressa Publ., 2010, pp. 104–116. (In Russian).
16. *Slovar sovremennogo russkogo narodnogo govora (d. Deulino Ryazanskogo rayona Ryazanskoy oblasti)* [Dictionary of modern Russian folk dialect (village of Deulino, Ryazan District, Ryazan Region)]. Ed. by I. A. Ossovetsky. Moscow, Nauka Publ., 1969, 612 p. (In Russian).
17. Subbotin S. I. Sergei Yesenin's library. *Yesenin na rubezhe epokh: itogi i perspektivy: materialy Mezhdunar. nauch. konf.* [Yesenin at the turn of two epochs: results and prospects: materials of the International scientific conference]. Moscow, Konstantinovo, Ryazan, Pressa Publ., 2006, pp. 331–355. (In Russian).
18. *Sravnitelnyy ukazatel syuzhetov: vostochnoslavlyanskaya skazka* [Comparative index of plots: East Slavic fairy tale]. Comp. L. G. Barag, I. P. Berezovsky, K. P. Kabashnikov, N. V. Novikov. Leningrad, Nauka Publ., 1979, 437 p. (In Russian).
19. Trotsky L. D. *Literatura i revolyutsiya* [Literature and revolution]. Moscow, GIZ Publ., 1924, 424 p. (In Russian).
20. Yuzefovich (Radionova) L. M. “Bобыl and Druzhek” by S. Yesenin — a “sad tale” about life and a “wonderful tale” about friendship: lesson plan in literature (7th grade). *Obrazovatel'naya sotsial'naya set* [Educational social network]. Available at: <https://nsportal.ru/shkola/literatura/library/2013/05/01/stsenariy-uroka-issledovaniya-iz-serii-uroki-dobroty-The Bachelor-i> (accessed: 10.05.2023). (In Russian).

Информация об авторе

Самоделова Елена Александровна — доктор филологических наук, старший научный сотрудник Института мировой литературы имени А. М. Горького Российской академии наук.

Сфера научных интересов: русский фольклор, русская литература первой половины XX века, текстология фольклора и русской литературы XX века, полевая фольклористика.

Information about the author

Samodelova Elena Alexandrovna — doctor of philology, senior researcher, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences.

Research interests: Russian folklore, Russian literature of the first half of the 20th century, textual criticism of folklore and Russian literature of the 20th century, field study of folklore.

Статья поступила в редакцию 14.09.2023; принята к публикации 12.10.2023.

The article was submitted 14.09.2023; accepted for publication 12.10.2023.